

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Оригинальная статья

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2

Кублицкая Е. А.

**Методолого-методический анализ соотношения
религиозной и конфессиональной самоидентификаций
(на примере изучаемых субъектов РФ)**

Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН)
ул. Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
eakubl@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме изучения религиозной и конфессиональной самоидентификаций населения на постсоветском пространстве. Используя результаты массовых социологических опросов среди населения регионов РФ, проведенных в период с 2008 по 2021 гг. в ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН, при этом опираясь на последние результаты исследований трех регионов РФ (Москва, республика Мордовия, Белгородская область), автор излагает методологические и методические положения, которые следует учитывать при изучении религиозности населения, всего секуляризационного процесса в условиях трансформации социально-политической, этноконфессиональной, культурологической сфер в российском обществе. Материалы социологического мониторинга доказывают, что идентификация религиозной и конфессиональной приверженности индивида не совпадают. Любая конфессиональная идентичность значительно превышает религиозную идентичность независимо от региональной специфики субъектов Российской Федерации. Социологический поиск выявил, что конфессиональная идентификация субъекта – сложный, многомерный тип социальной идентичности, так как включает в себя с необходимостью не менее пяти маркеров: религиозный, этнический, исторический, культурологический, территориальный. В зависимости от региональных особенностей, этнической принадлежности, политической ориентации и т.д., на первый план в конфессиональной самоидентификации может выступить любая из указанных составляющих. Автор доказывает, что подмена мировоззренческой стороны религиозной идентичности на конфессиональную ведет, несомненно, не только к завышению численности религиозного населения, но и к возможно неверной трактовке направленности, характера и особенностей протекания секуляризационного процесса, и в определенной степени этноконфесси-

ональной напряженности в регионах РФ. Социологические исследования последних лет, указывают на статику или некоторое снижение численности религиозного населения в некоторых субъектах России при росте численности православных. На основании многолетнего мониторинга российских субъектов федерации сделан вывод, что православие, все чаще выступает как социокультурный и этнический фактор общероссийской идентичности.

Ключевые слова: религиозная идентичность (религиозная самоидентификация); конфессиональная идентичность (конфессиональная самоидентификация); религиозность; атеизация; секуляризация; национальность; население; молодежные группы

Информация для цитирования: Кублицкая Е. А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11-27. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2

Original article

Elena A. Kublitskaya

Methodological and methodical analysis of the correlation of religious and confessional self-identification (on the example of the studied subjects of the Russian Federation)

Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNISC RAS),
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
eakubl@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of studying religious and confessional self-identification of the population in the post-Soviet space. Using the results of mass sociological surveys among the population of the regions of the Russian Federation conducted in the period from 2008 to 2021 in the ISPI FNISTC RAS and IDI FNISTC RAS, while relying on the latest research results of three regions of the Russian Federation (Moscow, the Republic of Mordovia, Belgorod region), the author sets out methodological and methodological provisions that should be taken into account when studying the religiosity of the population, the entire secularization process in the conditions of transformation of socio-political, ethno-confessional, cultural spheres in the Russian society. The materials of sociological monitoring prove that the identification of an individual's religious and confessional commitment do not coincide. Any confessional identity significantly exceeds religious identity, regardless of the regional specifics of the subjects of the Russian Federation. The sociological search revealed that the confessional identification of a subject is a complex, multidimensional type of social identity, since it necessarily includes at least five markers: religious, ethnic, historical, cultural, territorial. Depending on regional characteristics, ethnicity, political orientation, etc., any of these components may come to the fore in confessional self-identification. The author proves that the substitution of the ideological side of religious identity for the confessional one leads, undoubtedly, not only to an overestimation of the number of religious population, but also to a possibly incorrect interpretation of the orientation, nature and features of the secularization process,

and, to a certain extent, to ethno-confessional tension in the regions of the Russian Federation. Sociological studies of recent years indicate a static or some decrease in the number of religious population in some regions of Russia with an increase in the number of Orthodox. Based on the long-term monitoring of the Russian Federation subjects, it is concluded that Orthodoxy is increasingly acting as a socio-cultural factor of the all-Russian identity.

Key words: religious identity (religious self-identification); confessional identity (confessional self-identification); religiosity; c atheization; secularization; nationality; population; youth groups

Information for citation: Kublitskaya, E. A. (2024), "Methodological and methodical analysis of the correlation of religious and confessional self-identification (on the example of the studied subjects of the Russian Federation)", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (1), 11-27. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2

Введение (Introduction). Проблематика изучения религиозной жизни непосредственно связана со спектром проблем экономического, политического, национального, социокультурного и миграционного характера. В последние десятилетия в области дискурса специалистов социологии религии и религиоведения находятся актуальные вопросы теоретического и практического изучения процессов пост/де/секуляризации, включенности населения в религиозные отношения (так называемая «воцерковленность», культовая активность прихожан и пр.). Для рассмотрения основной тематической задачи социологического исследования: отношение респондентов к религии на уровне религиозной, и на уровне конфессиональной самоидентификаций. Для получения более объективных данных протекания секуляризационного процесса, в первую очередь, необходимо, прежде всего, дать характеристику понятию «религиозность», основным методологическим и методическим принципам определения современного уровня религиозности и атеистичности населения России.

Определение религиозности широко интерпретируется российскими и зарубежными авторами. Например, понятие «религиозность» определяется как «...воздействие религии на сознание и поведение, как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп» (Угринович, 1976). Или: «религиозность как состояние

отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему, их приверженность к религии, принятие ее вероучений и предписаний» (Лопаткин, 2010: 194). Ряд ученых еще советской школы социологии религии считали, что религиозность необходимо определять не только через индикаторы и показатели религиозного сознания, но и через показатели религиозной активности (Гаврилов, 2005). Мы придерживаемся наиболее распространенной точки зрения на понятие «религиозность», как социального качества индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений (Яблоков, 1979: 123).

В зарубежной литературе понятие «религиозность» в научный оборот вошло после публикации «Религиозного фактора» Г. Ленски (Lenski, 1961). Он определяет «религиозность» наличием сильных религиозных чувств или убеждений.

Методология и методы (Methodology and methods). Социологический инструментарий наших исследований сводил последовательно понятия «религиозность» к операционально определяемым индикаторам и показателям. В методологическом плане автор опирается, как на отечественные, так и на зарубежные традиции эмпирического изучения проявления религиозности на уровне сознания и поведения индивидов (Кублицкая, 1990). В наших со-

циологических исследованиях в зависимости от поставленной задачи использовались, например, при определении уровня религиозности, только показатели религиозного сознания, а при углубленном изучении степени религиозности населения – показатели и религиозного сознания, и религиозного поведения (Кублицкая, 2009).

Для определения *уровня религиозности и уровня атеистичности*, необходимо «развести» население на религиозное и нерелигиозное, используя показатели религиозного и атеистического сознания, то есть, наличие или отсутствие веры в существование Бога и сверхъестественных сил. Для измерения *степени религиозности* используем показатели, характеризующие как религиозное сознание, так и культовое поведение («воцерковленность») человека. В тоже время социологический поиск опирался на сбалансированную систему показателей, характеризующую как религиозную, так и атеистическую убежденность. На этой системе индикаторов и показателей были выстроены типология индексов: «верующие»-«колеблющиеся»-«неверующие»-«атеисты»¹.

Несмотря на решение многих методологических и методических вопросов в этом направлении, продолжается исследовательская работа, касающаяся измерения уровня и степени религиозности в современной России, как наиболее актуальная при определении направленности секуляризационного процесса в целом.

Так, в данном социологическом материале внимание акцентируется на показателях религиозного сознания, объективность некоторых из них вызывает сомнение для выявления количественных характеристик религиозности. Проблема, на наш взгляд, заключается и в том, что ряд социологов-

религиоведов продолжают определять численность религиозного населения через показатели конфессиональной самоидентификации. Правомерно ли использовать этот критерий при фиксировании уровня религиозности населения?

Основная задача предметной области исследования – выявить различие и соотношение конфессиональной и религиозной самоидентификаций среди населения и в социальных группах (возрастных, национальных) в Российской Федерации.

При этом, в социологическом мониторинге населения различных субъектов РФ используемая система главных показателей религиозности и атеистичности не должна изменяться для фиксирования характеристик религиозной и конфессиональной идентичностей.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Социологические исследования среди населения и социальных групп по вышеизложенным темам в последние годы проводились ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН в Москве, Мордовии, Белгородской области². Эти субъекты РФ различаются по экономическим, социокультурным и национальным параметрам. Социологические мониторинговые опросы проводились анонимно, по квотной выборочной совокупности со связанными половозрастными и территориальными параметрами (город, пригородный район, сельская местность). Эмпирические данные обработаны при помощи программы статистического анализа SPSS. Выборка в Москве: N в 2008 г. N=650 ед.; в 2010 N = 650 ед.; в 2014 г. N = 747 ед.; в 2015 г. N = 741 ед.; В 2016 г. N = 705 ед.; в 2017 г. N = 730 ед.; в 2018 г. N = 726 ед.; в 2020 г. N = 872 ед.; в 2021 г. N = 793 ед. В республике Мордовии: в 2016 г.

¹ Наиболее распространенная в социологических исследованиях типология уровня религиозности индивида.

² Проблемы изучения религиозной и конфессиональной самоидентификации в условиях трансформации российского общества проводились в ИСПИ

РАН с 2003 г. в 14-ти регионах РФ: Москва, Мордовия, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Башкортостан, Татарстан, Воронежская область, Томская область, Мурманская область, Вологодская область, Ярославская область, Тюменская область, Белгородская область.

N = 500 ед.; в 2019 г. N = 500 ед. В Белгородской области РФ: в 2018 г. N = 599 ед.; в 2020 г. N = 500 ед.

Исследовательские задачи решались также с использованием контент-анализа документов и материалов СМИ.

Краткий обзор основных религиозных характеристик указанных регионов характеризует и дает *некоторое представление о возможных количественных и качественных различиях конфессиональных и религиозных идентичностей населения.*

Москва, как столица российского государства, – эпицентр развития всевозможных социальных трансформаций: от социально-политических и социально-экономических до социально-демографических и этноконфессиональных. Москва – высококультурно-образовательный и научный центр России. Несмотря на то, что исторически эта территория является хранительницей русской культуры и православных традиций, в то же время продолжает оставаться интернациональным и поликонфессиональным мегаполисом. Именно эти характеристики обусловили выбор Москвы эмпирическим объектом социологического анализа.

Белгородская область представляет социологический интерес в этноконфессиональном отношении. Это – типичный русский регион Центральной России. Белгородчина тяготеет к моноэтничности и моноконфессиональности. Население региона в основном исповедует традиционное православие. Региональная политика в постсоветский период способствует развитию православного просвещения через светские образовательные учебные заведения. К особенностям Белгородской области относится ее географическое положение, так как ее значительная территория с юго-запада граничит с Украиной.

Республика Мордовия интересна как социологический объект, прежде всего, тем, что характеризуется как полиэтничный и многоконфессиональный субъект

РФ. Полиэтничность определяется в основном тремя национальностями: мордва (эрзя и мокша), русские, татары. В республике большинство религиозного населения (мордва и русские) принадлежат православному христианству. Вероисповедание мордвы, в целом, характеризует синкретичность (смешанность православия и язычества), так как исторические религиозные верования восходят к дохристианскому периоду (традиционная религия мокшан-мокшенькой). Эти народные традиции – почва возврата к неоязычеству. Второе место в Мордовии среди религиозных верований занимает ислам. Мусульманские храмы действуют в большинстве татарских поселений.

Следует напомнить, что основная задача конкретного социологического анализа построена на методологическом изучении *соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификации*, без определения которого нельзя объективно охарактеризовать, не столько религиозную ситуацию в целом, сколько определять уровень религиозности населения того или иного региона РФ.

Рольевые функции индивида разнообразны и в процессе социализации, индивид в зависимости от того, какой объект является основанием идентификации, может выделять себя в различных типах социальных идентичностей. В ходе социологического поиска были построены типологии с разными срезами оснований. Предметные социальные идентичности определялись через самоидентификацию индивида с жизненно важными социальными и мировоззренческими общностями. Например:

- религиозная (верующий, колеблющийся между верой и неверием и т.п.);
- нерелигиозная (неверующий, агностик, атеист и т.п.);
- конфессиональная (мусульманин, христианин, буддист и т.п.);
- этническая (русский, мордва, татарин, украинец и т.п.);

- национальная (государственная) (россиянин, советский человек, итальянец, американец и т.п.).

Индивид в конкретных условиях выделяет различные типы идентичностей в зависимости от выраженности личных или социальных аспектов «Я» (личностная или социальная идентичность), полного или частичного включения в группу, непосредственного или опосредованного членства и т.д. Индивид может осознавать себя как члена различных общностей одновременно. Иерархия идентичностей в сознании индивида меняется в зависимости от ситуации, времени и места.

Прежде всего, рассмотрим в этом ключе религиозно-конфессиональную идентичность. В одних условиях она в сознании индивида никак не выражена в ролевой функции (например, «религиозный индифферентизм», то есть «я безразлично отношусь к религии и атеизму»), в других, например, в этноконфессиональных конфликтах – выступает на первый план конфессиональная принадлежность (например, исламские ваххабиты). Рост конфессиональной идентичности населения, социальных групп может быть связан не столько с признаками «религиозного возрождения», а, возможно, из-за политических конфликтов или ущемления национальных, религиозных традиций своего народа, пытаясь, таким образом, защитить национальную или конфессиональную самобытность. Довольно часто (на уровне бессознательной идентичности) индивид может считать себя представителем одной группы, но при этом проявлять качества, характерные преимущественно для другой. Так, например, идентифицировать себя по самооценке «православным» человеком, а по ряду объективных показателей нерелигиозного сознания являться представителем типологической группы «неверующих».

Социологическое изучение соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификации индивида рассмотрено в двух ракурсах:

1. Сравнительный анализ этих идентичностей с учетом региональных характеристик.

2. Определение уровня выраженности форм самоидентификаций в сознании индивида во временном режиме.

В методике исследования выстроены следующие показатели самоидентификации: «самооценка по конфессиональной принадлежности» (когнитивно- смысловая функция) и «самооценка по отношению к религии и атеизму» (когнитивно-смысловая функция).

Мониторинговые социологических исследования в регионах России и в Москве на протяжении более двух десятков лет³ доказывают, что «идентификация религиозной и конфессиональной приверженности не совпадают. Можно утверждать, что идентификация субъекта в отношении религии идет в 2-х плоскостях: на уровне идеологическом (то есть религиозной идеологии- «религиозной веры или неверия»), с одной стороны, и на уровне конфессиональной, с другой. Далее уточнялось, насколько в процентном отношении совпадает идентификация конфессиональная с религиозной идентификацией в конкретном регионе, то есть: «сколько среди респондентов, идентифицирующих свою принадлежность к православной конфессии (или е исламу), одновременно считают себя верующими, колеблющимися или даже неверующими людьми» (Кублицкая, 2009).

А. Поясним некоторые особенности, которые происходят при религиозной и конфессиональной самоидентификаций субъекта на примере анализа социологических данных трех изучаемых регионов (см. Таблицу 1).

³ Социологические исследования в Москве по проблема секуляризации в ИСПИ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН велись с 1996 года.

Таблица 1
Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации населения регионов РФ
(Белгородская обл., Мордовия, Москва), (в % от числа опрошенных – 2008-2021 гг.)⁴

Table 1
The ratio of confessional and religious self-identification of the population of the regions of the
Russian Federation (Belgorod region, Mordovia, Moscow),
(% of the number of respondents – 2008-2021)

НАСЕЛЕНИЕ / POPULATION									
Конфессиональная самоидентификация / Confessional Selfidentification	Религиозная самоидентификация: «Считаю себя верующим» / Religious self-identification: “I consider myself a believer”								
	Белгородская об- ласть / Belgorod region			Мордовия / Mordovia			Москва / Moscow		
	2016	2018	2020	2008	2016	2019	2008	2018	2021
«Считаю себя православным» / “I consider myself Orthodox”	75	74	83	67	79	81	73	70	75
«Считаю себя мусульманином» / “I consider myself a Muslim”	-	-	-	85	83	77	84	83	68

Таблица 2
Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации молодежи регионов РФ
(Белгородская обл., Мордовия, Москва),
(в % от числа опрошенной молодежи в 2019-2021 гг.)⁵

Table 2
Ratio of confessional and religious self-identification of youth of the regions
of the Russian Federation (Belgorod region, Mordovia, Moscow),
(% of the number of surveyed youth in 2019-2021)

Регионы / Regions	Белгородская обл. / Belgorod region 2020 г.		Мордовия / Mordovia 2019 г		Москва / Moscow 2021 г.	
Социальная группа / Social group	Считаю себя верую- щим / I consider myself a believer	Считаю себя право- славным / I consider myself Orthodox	Считаю себя верую- щим / I consider myself a believer	Считаю себя право- славным / I consider myself Orthodox	Считаю себя верую- щим / I consider myself a believer	Считаю себя право- славным / I consider myself Orthodox
Молодежь / youth (14 – 29)	50	86	60	80	30	58

⁴ Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

⁵ Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Прежде всего, следует еще раз указать, что самый длительный социологический мониторинг проводился в Москве. За последние 10-15 лет соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации городских жителей практически не изменилось: значительно больше москвичей считают себя православными, чем верующими людьми. По последним эмпирическим данным среди православного населения, только 75% считают себя верующими. Разница составляет 25%. На «Белгородчине» разница составила в 2020 году – 17%: среди православного населения идентифицировали себя с верующими 83%. Даже среди нерелигиозных белгородцев 26% считают себя приверженцами православного христианства. В Мордовской республике несоответствие этих самоидентификаций также составляет не менее 20% в пользу численности православных. Те же тенденции проявляются и при анализе населения, исторически исповедующих ислам: среди респондентов, считающих себя мусульманами, только 77% верующих в Мордовском регионе и 68% верующих в столичном мегаполисе.

Б. Интересные показатели соотношения конфессиональной и религиозной самоидентификации в социальной группе молодежи (14-29 лет) за последние годы в изучаемых регионах (см. Таблицу 2, Рисунок 1)⁶.

Фиксируется ощутимая разница в количественном измерении религиозной идентичности и конфессиональной идентичности между населением и молодежью в целом, за исключением Мордовии. В республике разницы среди населения и молодого поколения не наблюдается (те же эмпирические показатели).

Более высокие показатели конфессиональной идентичности по сравнению с религиозной идентичностью (мировоззренческой) и в Москве, и в Белгородской обла-

сти. Так, в столице несоответствие конфессиональной и религиозной самоидентификаций у молодежи усиливается: 38%. В Белгородской области несоответствие идентичностей в этой социальной группе составляет 36%. Вполне закономерно возрастающее несоответствие между конфессиональной и религиозной идентификацией в этих регионах, так как в московском мегаполисе уровень межнациональной напряженности достигает 70% в условиях тотальной миграции, а в Белгородской области, граничащей с Украиной, политика которой проникнута русофобией и крайней степенью национального шовинизма, естественно растет уровень национального самосознания русского населения, укрепляются его этнокультурные традиции и ценности.

Схема социологического анализа предполагала рассмотреть эмпирические результаты в трех возрастных молодежных группах (14-18 лет, 19-24 года, 25-29 лет) для более детальной характеристики молодого поколения в предложенном тематическом ракурсе.

Уровень соотношения изучаемых идентичностей внутри молодежных групп распределился следующим образом в возрастных категориях (см. Таблицу 3).

Выявлено, что самые большие различия изучаемых идентичностей в младшей возрастной группе во всех трех регионах. Несмотря на то, что уровень религиозности «малолеток» ниже по сравнению с другими возрастными молодежными группами, уровень конфессиональной самоидентификации у них, например, в Белгородской области «зашкаливает» за 90%. Возможно это связано с непростой политической ситуацией с пограничным государством, где активно ущемляются традиции и обычаи русского населения и православных приходов и церквей. Разница идентичностей в этой

⁶ В данном материале использовалась только конфессиональная самоидентификация – «православный».

возрастной группе составляет 50%! В Мордовии несоответствие конфессиональной и

религиозной идентичностей в этой молодежной группе до 30%, в столичном мегаполисе – 32%.

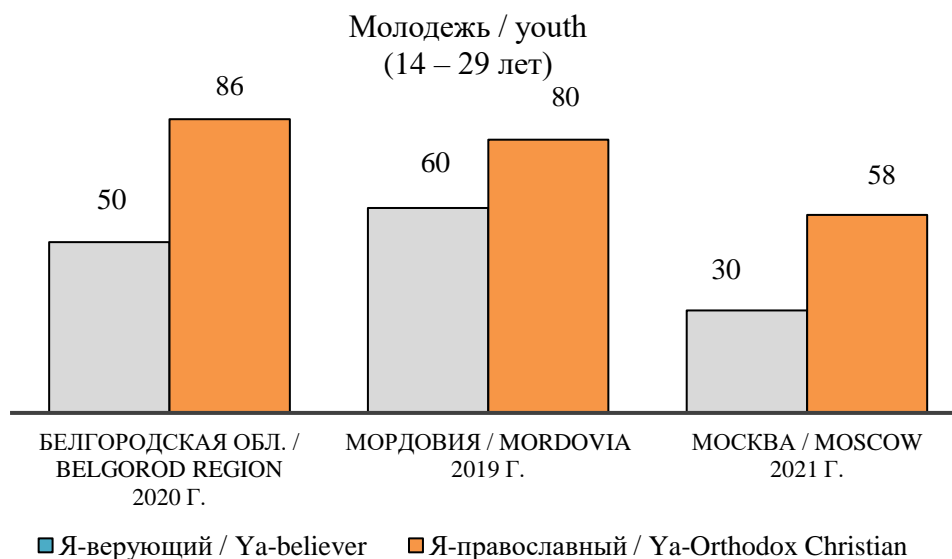

Рис. 1. Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации молодежи регионов РФ (Белгородская обл., Мордовия, Москва), (в % от числа опрошенной молодежи в 2019-2021 гг.)

Fig. 1. Ratio of confessional and religious self-identification of youth of the regions of the Russian Federation (Belgorod region, Mordovia, Moscow), (% of the number of surveyed youth in 2019-2021)

Старшая возрастная группа молодежи по соотношениям конфессионально-религиозной самоидентификации совпадает с населением своих субъектов РФ. Обращает на себя внимание эмпирические данные конфессиональной самоидентификации *молодых москвичей*: независимо от возрастной категории ее уровень равен 57%-59%. Он значительно ниже конфессиональной идентичности населения Москвы, который фиксируется на уровне 75% (см. Таблицу 1). Это вполне закономерно, так как за последние двадцать лет активно распространяются нетрадиционные религиозные и мистические учения среди молодежи. Это мобильная возрастная группа наиболее подвержена воздействию нетрадиционных воззрений. Мотивация зачастую связана с мировоззренческой неудовлетворенностью идеологией традиционных религий, которые, с точки зрения молодежи, не могут помочь найти пути познания сущности мира с

достижением с ним внутренней гармонии. Молодых людей также привлекает та или иная субкультура своей оригинальностью и экстравагантностью. Многие из них заинтересованы практикой эзотерических учений, расширяющих физиологические возможности личности и т.п. Мониторинговые исследования в московском регионе фиксируют рост увлеченности молодежью различными оккультными науками, эзотерическими исследованиями и нетрадиционными религиозными и около религиозными учениями и практиками (Кублицкая, 1990, 2018, 2021).

В. Схема логического анализа предполагает необходимый анализ социальной идентичности (национальной группы) – «русский» по отношению принадлежности к религии как идеологии и мировоззрению, и религии как культурно-исторической религиозной общности.

Давно сложилось представление среди населения России, что «русский –

значит православный». Православное духовенство в своих выступлениях почти всегда отождествляет эти понятия. Им же вторит мусульманские религиозные лидеры, но так или иначе, в данном случае, этническая составляющая очень часто присутствует в сознании субъекта при идентификации себя с конфессиональной общностью. Формируется этноконфессиональная идентичность

индивида. Многолетнее изучение этнической составляющей в религиозной проблематике московского региона доказывает, то конфессиональная самоидентификация русского населения всегда значительно выше религиозной самоидентификации. К 2021 году православная самоидентификация русских превышает религиозную на 34% (см. Таблица 4, Рисунок 2).

Таблица 3

Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации молодежных групп в регионах РФ (Белгородская обл., Мордовия, Москва), (в % от числа опрошенных возрастных групп молодежи в 2019-2021 гг.)

Table 3

Ratio of confessional and religious self-identification of youth groups in the regions of the Russian Federation (Belgorod region, Mordovia, Moscow), (% of the number of surveyed age groups of youth in 2019-2021)

Субъекты РФ / Territorial subjects of the Russian Fed- eration	Возрастные группы молодежи/ Age groups of young people					
	14-18 лет		19-24		25-29	
	Считаю себя верую- щим / I consider my- self a believer	Считаю себя право- славным / I consider myself Orthodox	Считаю себя верую- щим / I consider myself a be- liever	Считаю себя право- славным / I consider myself Orthodox	Считаю себя верую- щим / I consider myself a be- liever	Считаю себя право- славным / I consider myself Orthodox
Белгородская обл. / Belgorod region – 2020 г.	40	91	43	81	70	90
Мордовия / Mordovia – 2019 г.	32	63	68	87	65	80
Москва / Moscow – 2021 г.	26	58	29	57	34	59

Таблица 4

Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации среди русского населения в мегаполисе, (в % от числа опрошенных в национальной группе, Москва 2008-2021 гг.)⁷

Table 4

The ratio of confessional and religious self-identification among the Russian population in the metropolis, (% of the number of respondents in the national group, Moscow 2008-2021)

Москва / Moscow	2008		2014		2015		2016		2017		2018		2021				
Национальность / nationality	Я - верующий / I am a believer		Я - верующий / I am a believer		Я - верующий / I am a believer		Я - верующий / I am a believer		Я - верующий / I am a believer		Я - верующий / I am a believer		Я - верующий / I am a believer		Я - верующий / I am a believer		
	Я – православный / I am an Orthodox Christian		Я – православный / I am an Orthodox Christian		Я – православный / I am an Orthodox Christian		Я – православный / I am an Orthodox Christian		Я – православный / I am an Orthodox Christian		Я – православный / I am an Orthodox Christian		Я – православный / I am an Orthodox Christian		Я – православный / I am an Orthodox Christian		
													Я – мусульманин / I am a Muslim				
													Я - верующий / I am a believer		Я – православный / I am an Orthodox Christian		
														Я – мусульманин / I am a Muslim			
															Я – православный / I am an Orthodox Christian		
																Я – мусульманин / I am a Muslim	
	Русские / Russians	53	67	65	90	60	87	56	86	50	70	51	69	1	46	80	1
		14		25		27		30		20		19		35			

В Белгородской области среди русского населения растет православная идентичность. К 2020 году разница между православной и религиозной идентичностями этой национальной группы составила 25% (см. Таблица 5, Рисунок 3). Еще раз отметим, что нерелигиозное население ищет опору и защиту своей национальной идентичности в традициях и обычаях православного христианства.

Всероссийские исследования многих регионов Российской Федерации в постсоветский период показывают, что именно в национальных республиках, где русская национальность не является титульной или по количеству уступает титульному этносу, выявляется высокое несоответствие религиозной и конфессиональной самоидентификации среди русского населения.

⁷ Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

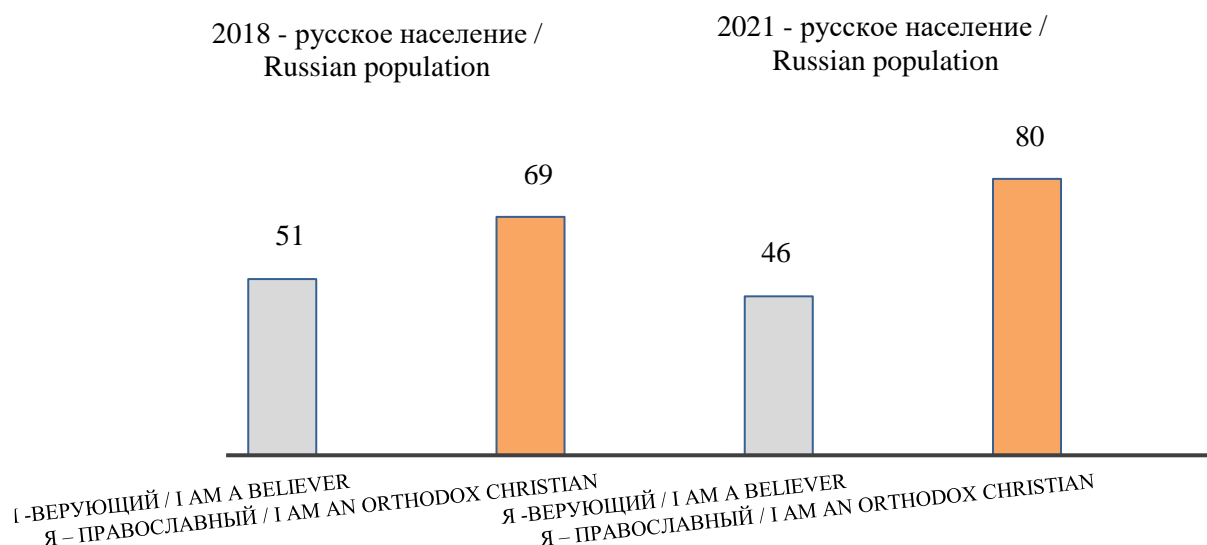

Рис. 2. Соотношение религиозно-конфессиональной самоидентификации среди русского населения в московском мегаполисе, (в % от числа опрошенных в национальной группе Москва 2018, 2021 гг.)

Fig. 2. Ratio of religious and confessional self-identification among the Russian population in the Moscow metropolis, (% of the number of respondents in the national group Moscow 2018, 2021)

Таблица 5

Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации среди русского населения Белгородской области, (в % от числа опрошенных в национальной группе)⁸

Table 5

The ratio of confessional and religious self-identification among the Russian population of the Belgorod region, (% of the number of respondents in the national group)

Белгородская обл. / Belgorod region-		2016		2018		2020	
		Я - верующий / I am a believer	Я - православный / I am an Orthodox Christian	Я - верующий / I am a believer	Я - православный / I am an Orthodox Christian	Я - верующий / I am a believer	Я - православный / I am an Orthodox Christian
Национальность / nationality	Русские / Russians	62	88	56	68	61	86
		26		12		25	

⁸ Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

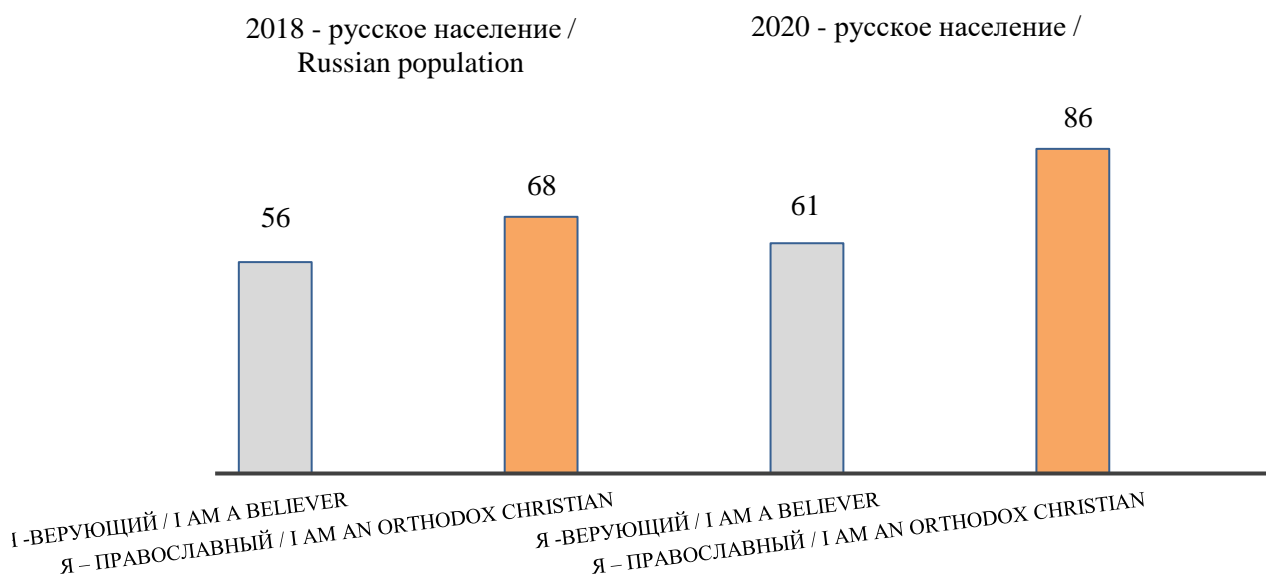

Рис. 3. Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации среди русского населения Белгородской области, (в % от числа опрошенных в национальной группе, 2018, 2020 гг.)

Fig. 3. The ratio of confessional and religious self-identification among the Russian population of the Belgorod region, (% of the number of respondents in the national group, 2018, 2020)

Так, например, несмотря на то, что в многонациональной и поликонфессиональной Мордовской республике низкий уровень межнациональной напряженности и нет «миграционного коллапса», а межконфессиональная толерантность православия и ислама на высоком уровне, тем не менее, русские респонденты значительно чаще себя идентифицируют с православием, при

этом, не считая себя религиозными людьми. Следует заметить, что при понижении религиозной самоидентификации в настоящее время, конфессиональная самоидентификация респондентов Мордовии продолжает повышаться. Несовпадение православной и религиозной идентичностей среди русского населения увеличилось до 28% (см. Таблицу 6, Рисунок 4).

Таблица 6
Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации среди русского населения республики Мордовия, (в % от числа опрошенных в национальной группе)⁹

Table 6

Ratio of confessional and religious self-identification among the Russian population of the Republic of Mordovia, (% of the number of respondents in the national group)

Мордовия / Mordovia		2016		2019	
		Я - верующий / I am a believer	Я – православный / I am an Orthodox Christian	Я - верующий / I am a believer	Я – православный / I am an Orthodox Christian
Национальность / nationality	Русские / Russians	70	93	66	94
		23		28	

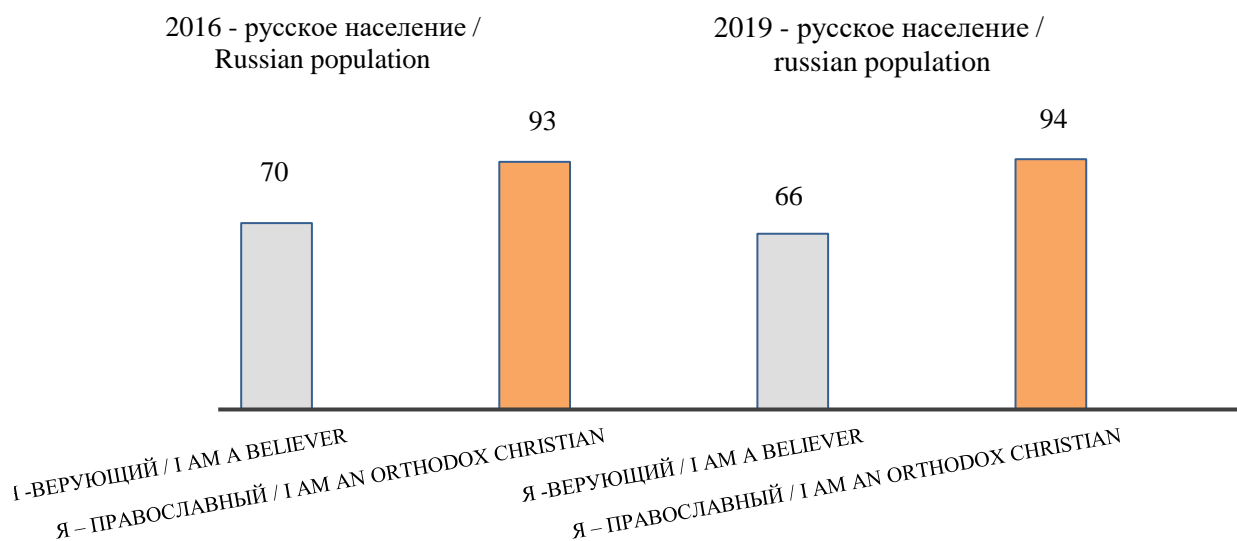

Рис. 4. Соотношение конфессионально-религиозной самоидентификации среди русского населения республики Мордовия, (в % от числа опрошенных в национальной группе)
Fig. 4. Ratio of confessional and religious self-identification among the Russian population of the Republic of Mordovia, (% of the number of respondents in the national group)

Заключение (Conclusions). Мониторинговые социологические исследования 1998-2021 гг. Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН и Института демографических исследований ФНИСЦ РАН подтвердили гипотезу, что

«рост национального самосознания, актуализирующий взаимосвязь национального и религиозного, повышает уровень конфессиональной самоидентификации среди религиозного и нерелигиозного населения» (Кублицкая, 1990). Крылатое выражение

⁹ Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

«вере без принадлежности и принадлежности без веры» соответствует полученным эмпирическим данным среди населения всех изучаемых субъектов Российской Федерации.

Вследствие того, что традиционные конфессии исторически являются культурообразующей составляющей в общей системе ценностей той или иной российской национальности, вполне логично фиксируется в социологических исследованиях существенное несоответствие мировоззренческих позиций личности по отношению к религии как идеологии и религии как культурно-исторической общности. Сегодня нет устойчивого стереотипа, что православные или мусульмане всегда религиозны. Православие и ислам в настоящее время часто понимаются как социокультурные и этнические общности.

С учетом того, что в некоторых регионах России имеют место этноконфессиональные конфликты на почве неконтролируемого миграционного процесса, эти стереотипы будут и дальше продолжать постепенно терять свою религиозную сущность.

Эмпирические данные исследованных регионов России эти выводы подтверждают:

- в Москве и Белгородской области растет конфессиональная самоидентификация населения в условиях повышения конфликтности в межэтническом взаимодействии. То есть, чем выше уровень межнациональной напряженности в регионе, тем выше уровень конфессиональной идентичности среди коренных национальностей.

Рассмотренная тематическая проблема – одна из главных и сложных в методолого-методическом плане для определения уровня и степени религиозности и атеистичности населения, учитывая особенности протекания секуляризации в современных условиях социально-политической и экономической обстановки, неконтролируемости иммиграционно-эмиграционных процессов и возникающих на этом фоне этноконфессиональной напряженности в рос-

сийском обществе. «Мониторинговый социологический анализ выявил, что конфессиональная идентификация субъекта – сложный, многомерный тип социальной идентичности, так как включает в себя не менее пяти маркеров: религиозный, этнический, исторический, культурологический, территориальный. В зависимости от региональных особенностей, этнической принадлежности, политической ориентации и т.д., на первый план в конфессиональной самоидентификации индивида может выступить любая из указанных составляющих» (Кублицкая, Лебедев, 2019).

Не впервые заостряем внимание на проблеме несовпадения конфессиональной и религиозной идентичностей, так как ряд ученых-религиоведов продолжают в исследованиях определять религиозность респондентов через конфессиональную самоидентификацию. Подмена мировоззренческой стороны религиозной идентичности на конфессиональную ведет, не только к завышению численности религиозного населения, но и неверной трактовке направленности и характера секуляризационного процесса в регионах РФ.

Список литературы

- Андреева Л. А., Андреева Л. К. Религиозность студенческой молодёжи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95-98.
- Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Мчедлов М. П., Шевченко А. Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о её социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 46-56.
- Дубограй Е. В. Религиозность военнослужащих России // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 130-136.
- Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103.
- Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности населения в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96-107.

Кублицкая Е. А. Изучение религиозной и конфессиональной самоидентификации современного российского общества (социологический опыт) // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 267-280.

Кублицкая Е. А., Франчук Д. В. Нетрадиционные религии и эзотерические учения в жизни московской молодёжи (социологический опыт) // Секуляризация в контексте изменения религиозных трансформаций современного общества (под ред. Глазьева С.Ю., Рязанцева С.В., Кублицкой Е.А. Серия «Демография. Социология. Экономика». М.: Изд-во Экономинформ, 2018. Т. 4, № 4. С. 227-242.

Кублицкая Е. А., Лебедев С.Д. Религиозная ситуация в Белгородской области (мониторинговые исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С.160-180.

Кублицкая Е. А. Лютенко И. В. Религиозность в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи // Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи: методология и социальные практики: монография / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: ООО «Эпи-центр», 2021. С. 217-247.

Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодёжи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 87-97.

Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы / Приложение к журналу. Рубрика: К 80-летию со дня рождения Ремира Александровича Лопаткина. Цикл статей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: РАНХ и ГС при Президенте РФ. 2010.Т.28, № 4. С.266-272.

Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. М.: Мысль, 1976.

Яблоков И. Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.

Lenski G. The religious factor: a sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life. N.Y.: Doubleday, 1961. 381 p.

References

Andreeva, L. A., Andreeva, L. K. (2010), "Religiosity of student youth. Experience of Comparison with the Religiosity of the Russians", *Sociological Studies*, (9), 95-98. (In Russian)

Vozmitel, A. A. (2007), "Sociology of Religion in Russia: Problems and Prospects", *Sociological Studies*, (2), 110-117. (In Russian)

Gavrilov, Y. A., Kofanova, E. N., Mchedlov, M. P., (2005), "Shevchenko A. G. Confessional peculiarities of religious faith and ideas about its social functions", *Sociological Studies*, (6), 46-56. (In Russian)

Dubogray, E. V. (2007), "Religiosity of the Russian Military Personnel", *Sociological Studies*, (7), 130-136. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (1990), "Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological study", *SOCIS*, (5), 95-103. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2009), "Features of the Study of Religiosity in Modern Russia", *Sociological Studies*, (4), 96-107. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2009), "Study of religious and confessional self-identification of modern Russian society (sociological experience)", *Social and Humanitarian Knowledge*, (3), 267-280. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Franchuk, D. V. (2018), "Nonconventional religions and esoteric teachings in the life of the Moscow youth (sociological experience)", *Secularization in the context of measurement of religious transformations of modern society*, under the editorship of S.Yu. Glazyev, S.V. Ryazantsev, E.A. Kublitskaya, Series "Demography. Sociology. Economy", Econom-inform Publishing House, Moscow, Russia, 4 (4), 227-242. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Lebedev, S. D. (2019), "The religious situation in the Belgorod region (monitoring studies)", *Social and Humanitarian Knowledge*, (6), 160-180. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. Lyutenko, I. A. (2021), "Religiosity in the self-regulation of youth life activity", *Youth life activity self-regulation: methodology and social practices: monograph*, ed. by Zubok U.A. Epi-center, Belgorod, Russia, 217-247. (In Russian)

Lebedev, S. D. (2007), "Attitude of students to religion", *Sociological Studies*, (7), 87-97. (In Russian)

Lopatkin, R. A. (2010), "Sociology of Religion in Russia: Past Experience and Modern Problems. Series of Articles: To the 80th Anniversary since the Birth of Remir Alexandrovich Lopatkin. Series of articles", *State, Religion, Church in Russia and Abroad. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*, 28(4), 266-272. (In Russian)

Ugrinovich, D. M. (1979), *Vvedenie v teoreticheskoe religiovedenie* [Introduction to theoretical religious studies], Thought, Moscow, Russia. (In Russian)

Yablokov, I. N. (1979), *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion], Mysl, Moscow, Russia, 182. (In Russian)

Lenski, G. (1961), *The religious factor: a sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life*, Doubleday, N.Y., 381.

Статья поступила в редакцию 31 января 2024 г. Поступила после доработки 23 февраля 2024 г. Принята к печати 01 марта 2024 г.

Received 31 January 2024. Revised 23 February 2024. Accepted 01 March 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интегративных процессов Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS), Moscow, Russia.